

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РОМАНЕ В. КАМЕНСКОГО «СТЕПАН РАЗИН»

А. В. Оконешишникова

OCCASIONALISMS IN V. KAMENSKY'S NOVEL "STEPAN RAZIN"

A. V. Okoneshnikova

Творчество В. Каменского отличается легкостью, изяществом слога. Пафос его романа «Степан Разин» в воспеании свободолюбия и народного духа. И этот дух народной вольницы В. Каменский передал с помощью новых слов – окказионализмов. Окказионализмы в романе звучат естественно, они не выглядят чужеродными, искусственными и очень похожи на слова, созданные самим народом. И эти слова очень точно передают могучий дух народа. Речь в статье идет о новообразованиях В. Каменского, известного поэта и прозаика. Мы выбрали некоторые окказионализмы, созданные им. Приведенные авторские неологизмы мы взяли из романа «Степан Разин». Считаем, что использование новых слов В. Каменским делает понятия и картины изображаемого емкими, выразительными.

V. Kamensky's works are characterized by ease and elegance of the writing. The pathos of his novel «Stepan Razin» lies in praise of love of freedom and national spirit. V. Kamensky portrayed this spirit of the people's freedom with the help of new words – occasionalisms. Occasionalisms in the novel sound natural, they do not look alien, artificial and are very similar to the word created by the people themselves, and these words very accurately reveal the mighty spirit of the people. The paper discussed the occasionalisms in the works of V. Kamensky, a famous poet and prose writer. We have selected some occasionalisms created by him. These neologisms were taken from the novel «Stepan Razin». The author believes that Kamensky's use of new words and concepts makes the pictures that he portrays succinct and expressive.

Ключевые слова: новообразования, узуальные слова, окказионализмы, потенциальные слова.

Keywords: neologisms, usual words, occasionalisms, potential words.

Окказиональность, шире – неологизация (возникновение новых слов языка/речи), исследуется в русском языкознании, начиная с 60-х годов прошлого века. При этом, по свидетельству Е. С. Гришечевой, новые явления рассматриваются лингвистами в нескольких направлениях. С точки зрения словообразовательных потенциалов они исследуются в работах О. А. Габинской, Е. А. Земской, В. П. Изотова, Р. Ю. Намитокковой, С. И. Улуханова и др. Проблемам разграничения окказионализмов и новых слов, с одной стороны, окказионализмов и узуальных лексем – с другой, вычленения окказиональных слов, их классификации, парадигматическим отношениям в рамках дихотомии язык/речь посвящены исследования А. А. Брагиной, В. В. Лопатина, А. Г. Лыкова, Э. Ханпиры и др. ученых.

В результате словопроизводства в русском языке, как пишет Л. С. Филиппова, возникло несколько типов слов: узуальные, потенциальные и окказиональные.

Узуальные слова – это основной словарный фонд языка, слова, образованные в соответствии с имеющимися в языке способами словообразования и словообразовательными типами. Среди них особую группу составляют неологизмы – новые слова общенационального языка, напр., *спутник*, *космонавт*. Вскоре эти слова теряют свою новизну и становятся принадлежностью основного словарного фонда языка.

Узуальным словам противопоставлены окказиональные слова. Термин **окказиональные слова** указывает, что эти слова созданы «по случаю», обычно даже известен их автор, поэтому они называются еще другим термином – индивидуально-авторские новообразования (слова), что подчеркивает их важнейшие черты – «необщепринятость», отнесенность к известному создателю, тесную связь окказиональных слов (окказионализмов) с контекстом. Вне контекста их значение

может быть неясным. Например, у Г. Иванова употреблены слова *Петросква*, *Кузнецовский мостект*. Из текста ясно, что слово *Петросква* образуется от собственных названий *Петербург* и *Москва* путем контаминации двух слов, а наименование *Кузнецовский мостект* образовано путем контаминации наименований *Кузнецкий мост* и *Невский проспект*. Названные выше признаки окказионализмов (отнесенность к известному автору, отнесенность к определенному контексту) обуславливают их другие качества, в частности, отнесенность к речи. Окказионализмы – это факт речи, а не языка. Особенность окказионализмов и их отличие от неологизмов в том, что они практически не входят во всеобщее употребление, не закрепляются в языке, обслуживая определенный контекст, данную речевую ситуацию [11, с. 203].

Определение окказионального слова, данное А. Г. Лыковым, таково: «Речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами невоспроизводимости (творимости), ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности» [5, с. 36].

Потенциальные слова, по мнению Л. С. Филипповой, – это новые слова, образованные по образцу продуктивных словообразовательных типов, не вошедшие еще в состав узуальных слов, или слова, способные возникнуть в речи в связи с необходимостью назвать что-либо [11, с. 210]. Таким образом, различие между неологизмами, окказионализмами и потенциальными словами проведено учеными очень четко. Мы будем придерживаться изложенной классификации.

Причинами появления окказионализмов в литературе указаны следующие: необходимость экспрессивного названия уже известных понятий, обозначенных узуальными словами; необходимость назвать новое

понятие; стремление нарушить автоматизм мышления, чтобы привлечь внимание к авторской речи; потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему оценку; возможность своеобразной формой слова обратить внимание на его семантику; окказионализмы могут иногда в силу своей семантической емкости, часто – метафоричности, заменить целое предложение, поэтому помогают кратко выразить авторскую мысль. Например, такой «цветастый» метафоризм мы видим в поэме С. Кирсанова «Золушка»:

Страдиварием-скрипкою выгнулся кот,
вымыл личико кот для приличия
и, подсев у окошка на черный ход,
заиграл большое мурлыччио (Т. 2. С. 83).

Иногда окказионализмы создаются в целях сохранения ритма стиха, обеспечения рифмы... [11, с. 207].

Василий Васильевич Каменский – один из интереснейших русских поэтов и писателей начала двадцатого века. Авиатор и поэт, писатель, интересный собеседник, рассказчик, он прожил интересную и достаточно долгую жизнь. Он был другом В. В. Маяковского, В. В. Хлебникова, современником К. И. Чуковского, Н. Н. Асеева, А. И. Куприна, А. М. Горького, Л. Н. Андреева и многих других, оставил о них воспоминания. В литературе он известен как кубофутурист.

Кубофутуризм – направление в искусстве 1910-х гг., наиболее характерное для русского художественного авангарда тех лет, стремившееся соединить принципы кубизма (разложение предмета на составляющие структуры) и футуризма (развитие предмета в «четвертом измерении», т. е. во времени).

Футуристы, участники группы «Гилея», запомнились своим вызывающим поведением и шокирующим внешним видом (знаменитая желтая кофта Маяковского, розовые сюртуки, пучки редиски и деревянные ложки в петлицах, раскрашенные неведомыми знаками лица, эпатажные выходки во время выступлений), и скандальными манифестами, и резкими полемическими выпадами против литературных оппонентов, и тем, что в их ряды входил Владимир Маяковский, единственный из футуристов, «не гонимый» в советское время [10].

Я. Полухина, написавшая кандидатскую диссертацию по поэзии В. Каменского, отметила, что футуризм – это не направление в искусстве, а мироощущение, состояние души. Футуристом называли всякого, кто с надеждой смотрел в будущее, кто сказал новое слово в искусстве, кто не признавался критиками и кто просто общался с футуристами и разделял их идеи. Футуристы создавали не только произведения искусства, они творили саму жизнь, пытались направить ее в русло современности. Сами они в письмах и автобиографиях называют себя не литераторами или художниками, а «пришельцами-вестниками из будущего», «мастерами дела и действия, энтузиастами-строителями новых форм жизни». Именно поэтому В. В. Каменский становится авиатором, так как полагает, что «человек моторной современности» просто обязан уметь управлять аэропланом. В. В. Каменский не считал, что русские футуристы являются последователями итальянских футуристов, как их называли другие, и продолжают думать до сих пор [4, с. 15].

В. Каменский и его друзья – «будетляне» Д. Бурлюк, В. Маяковский, призывая создавать новое искусство, отдали дань увлечению формальным словотворчеством. Футурист Каменский не сбросил Пушкина с корабля современности. Он всю жизнь любил Пушкина, написав о нем сначала пьесу, потом посвятив ему роман «Пушкин и Дантес». В. Каменский работал над романом, по мнению А. Никитина, с 1923 по 1927 год [4, с. 16].

Стеньку Разина Каменский любил с детства. Очень рано он начал писать песни о Стеньке Разине, который в народе всегда олицетворял стремление к свободе, безудержную удаль, бесстрашие. На хуторе Каменка пришла поэту мысль написать роман о Стеньке Разине. В нем писатель не всегда считался с признанными документальными фактами. Наверняка, потому, что для поэта Стенька Разин был скорее личностью легендарной, поэтической. Он был для Каменского, как считает А. Никтин, поэтическим лицом русской истории... Но была и еще одна тонкость в восприятии романистом своего будущего героя. Ведь Разин пришел к Каменскому, рано ставшему сиротой, из его собственного детства, изначальной любви к удали и справедливости. Разин был любимым героем будущего поэта еще в детских играх. Мало того, грядущий «будетлянин» как бы «сам был Стенькой Разиным», раздавая все свои душевные богатства, и сам бы не пожалел своей буйной головы за друзей своих, как Степан за народную низовую вольницу. И за любимую Волгу. Ведь Каменский жил на Каме – самом могучем ее притоке. Волга была для него не просто рекой, а судьбоносной рекой России... Так справедливо писал А. Никитин во вступительной статье к книге В. Каменского «Степан Разин. Пушкин и Дантес. Художественная проза и мемуары» [4, с. 19].

Народно-освободительная тематика, особенно актуальная для официальной литературы первых советских десятилетий, составила значительную долю литературного веса Каменского в истории советской культуры, как отмечает З. С. Антипина в статье «Тема народной вольницы в творчестве В. В. Каменского» [1, с. 140]. Как было указано выше, образ Степана Разина пришел к писателю из детства, он был навеян детскими воспоминаниями, связан с образом реки, на притоке которой поэт сам родился. Образы реки и народного героя в понимании В. Каменского слились. Народная стихия всегда привлекала писателя, и он всегда ее отражал во многих произведениях. Поэт читал прилюдно свои стихи. Когда они звучали со сцены, произведения воспринимались ярко, зримо, красочно, мощно.

«Степан Разин» – роман своеобразный, оригинальный, отличается от классических романов и формой, структурой, в которой проза сменяется стихами о Стеньке Разине: «Степан и Фрол в опор погнали на верных донских конях на сиротские дороги. Поведали свое горе беглым удальцам, пораздумали, как бытывать, как утешиться вдоволь без остатку, поразвели тоску мученскую сердечными встречами с молодцами-своевольниками. Видно, полегчало, когда затянул Степан:

Времячко настало дивное –
Дивные вершить дела.
Лейся песня переливная,

Закуси, конь, удила... [4, с. 30].

Проза В. Каменского поэтична, она больше напоминает ритмическую прозу, например, стихотворения в прозе И. С. Тургенева.

Образы С. Разина, его сподвижников, жены обрисованы общо, достаточно схематично, но читателя увлекает поэзия В. Каменского, языка его романа, образ реки, с ширью и мощью которой невольно сопоставляется образ Степана Разина, атамана вольницы.

Нововведения в словах были испробованы жизнью, в частности, в романе «Степан Разин». Эксперименты В. Каменский проводил не только с формой прозы и поэзии, но и со словами, которые приобретают такое неожиданно красивое певучее звучание. И во многие произведения писатель ввел окказионализмы, которые помогают выпукло представить описываемое.

В этом произведении много прилагательных, образованных по способу слияния: (во славу) *миротрепетную* [4, с. 25], *чудороссийскую (славу)* [4, с. 25], *гибкостройная (Алена)* [4, с. 26], *утрохрустальную (птицу)* [4, с. 26], *(правду) (жизнь) самотворная, самочудная* [4, с. 26], *(славу) мирославную* [4, с. 29], *мудовольностью* в знач.: *мудрой вольностью* [4, с. 46], *чернобархатную (ночь)* [4, с. 43], *кудрошумный (трепет)* [4, с. 46], *песнеянную (перепевность)* [4, с. 46], *мудровольностью (неисчерпаемой)* [4, с. 46], *солнцезвучальный (праздник)* [4, с. 47], *крыловейные (песни)* [4, с. 47], *большезоркими (глазами)* [4, с. 48], *всемогучей (грудью)* [4, с. 48], *звездолинным (дорогам)* [4, с. 50], *в странноскитаниях* [4, с. 50]; *солнцевстальные (лучи)* [4, с. 50], *рыжечугунные (пареньки)* [4, с. 50], *журчью – журчащему ручью* [4, с. 50], *стройно-высокого роста, с небожасными глазами, с красногубой улыбкой...* [4, с. 59], *утроранней* [4, с. 59], *первоцветную (душу)* [4, с. 59], *журчей* [4, с. 59], *на солнцевстальной (зарю)* [4, с. 59], *невиданно-пестрояркие (птицы)* [4, с. 59], *солнцецветении* [4, с. 59], *гибкостройную (сосну)* [4, с. 60], *утроцветных (весен)* [4, с. 60], *светорадостный (аромат)* [4, с. 60], *жданногаданные* [4, с. 66], *перворайский* от сочетания «*первый и райский*» [4, с. 81], *плодоспелых (ветвях)* [4, с. 81]. В этом романе способ продуктивен.

Многие слова образованы суффиксальным способом, т. е. способом традиционным, но с не характерными для данных слов суффиксами, напр.: *моготу* похоже на слово «*наготу*» [4, с. 28], *(душа) размашина* [4, с. 28] вм. *размашистая*, *бродяжная (душа)* [4, с. 29] вм. *бродяжническая*, *(тоску) мученскую* [4, с. 30] вм. *мученическая*, *мучительства* [4, с. 33] вм. *мучения*, *грустинное (молчание)* [4, с. 39], *обережение* [4, с. 42], *бычачым (ревом)* [4, с. 46] ср. *бычьим*, *(пил ее) поцелуйно* [4, с. 45], *звучальные (начала)* вм. *звучные*, *по всей вероятности* [4, с. 46], *здоровеннейшим (смехом)* [4, с. 46]. Форма «*здоровеннейшим*» неупотребительна, уже само значение имеет в виду большие габариты, поэтому употребление суффикса превосходной степени прилагательного было неуместно. «*Красотинность*» (смены цветов) [4, с. 47] в знач. *красота*, *прикрытым (островам)* [4, с. 48] в знач. *прикрытым*; *(гусли) звончатые* [4, с. 49], *журчального (мерцания)* знач. *журчащего* – 1) о воде: производящий легкий монотонный булькающий звук [4, с. 168], *кистенщици* [4, с. 49] от слова «*кистень*», *варначина* [4, с. 50] слово с увеличительным значением от слова «*варнак*», по-

бедностью [4, с. 60], *взвихренная (гольтьба)* [3, с. 62]; *чугунники* от *чугун* [4, с. 75], *кручинную (Лебедию)* [4, с. 77], *жратье* – [4, с. 76], *неотзывность* [4, с. 78] образовано от слова *неотзывный*, *штануло (утес)* [3, с. 80] по аналогии с образованием *мотануло*, *волновые* [4, с. 83] от слова «*волна*», *изгибные* от слова *изгиб* [4, с. 81], *взбудоражное (дело)* [4, с. 82] – дело, которое взбудоражит. От слова «*взбудоражить*» образуется прилагательное «*взбудоражное*». В результате полученное слово «*взбудоражное*» звучит емко, зримо. Как видим, в этом романе суффиксальный способ является продуктивным.

Есть слова, образованные способом сложения: *небокрай* [4, с. 50], способом нулевой суффиксации, например, *раздоль* [4, с. 46]. Слов, образованных таким способом, безусловно, немного. *Расплечись* – *префиксально-постфиксальный способ от слова плечо* [4, с. 62]; префиксальное образование: *пребеззаконие* от слова *беззаконие* [4, с. 74], *присмертные*, на наш взгляд, префиксально-суффиксальное образование от слова *смерть* [4, с. 44].

Сложносуффиксальный способ. Его еще можно называть сложением с суффиксацией: *пасхальнозвонными (радугами)* [4, с. 25] – образовано от словосочетания «*пасхальный звон*» *синезвездным (пламенем)* [4, с. 81] – образовано от словосочетания «*синие звезды*»; *латинумудренником* [4, с. 74], *всенавношных* [4, с. 77]; *яснобедрые (берега)* [4, с. 25], *крутобедрые* [4, с. 42], *крутологие (берега)* [4, с. 46], *зверолобые (чугунники)*, *чернолапы* [4, с. 78] – образованы сложносуффиксальным способом, суффикс нулевой.

Некоторые образования мы назвали бы семантическими. Приведем пример: *глубинное (величие)* [4, с. 29]. Слово «*глубинная*» встречается в русском языке: 1) находящийся, производимый и т. п. на большой глубине (под землей, под водой). Глубинные породы земной коры. Глубинное залегание нефти. Глубинные течения. Глубинный лов рыбы; 2) находящийся в глубине страны, области и т. п., удаленный от центра. Глубинные села. Глубинная бомба. Здесь автор использовал слово в значении *глубокое* – достигший полноты своего проявления, высшего предела [4, с. 115]. *Горем кишат* [4, с. 40]: – *кишет* имеет значение – быть наполненным множеством шевелящихся, копошащихся существ [4, с. 237]; в этом контексте надо понимать: *полное горем*; *приютную (Волгу)* [4, с. 45]. *Любому глазачу* – в знач. *глазастый человек*. *Обильным сном* – слово «*обильный*» имеет значение – имеющийся в обилии, с избытком, в высшей степени достаточный [7, с. 365] в этом контексте имеет значение: богатырским сном.

Использование окказионализмов В. Каменским позволяет ярче представить героев, делает язык романа емким, выразительным, запоминающимся.

А значение нововведения «*Сарынь на кичку!*» [4, с. 86] до сих пор никто не установил, например, Рената Баффи, итальянка, которая переводила мемуары В. Каменского «Юность Маяковского [4, с. 13], не выяснила, какое значение оно имеет.

Таким образом, в словотворчестве В. Каменского еще много белых пятен, которые ждут своих исследователей.

Литература

1. Антипина З. С. Тема народной вольницы в творчестве В. В. Каменского // Вестник Пермского университета, 2012. Вып. 2(18). С. 132 – 146.
2. Грищева Е. С. Структурно-семантическое и функциональное описание лексических окказионализмов в рамках теории элокулятивного поля: дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2006.
3. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 328 с.
4. Каменский В. Степан Разин. Пушкин и Дантес. Художественная проза и мемуары. А. Г. Никитин. Вступительная статья. Жизнь и проза футуриста Василия Каменского. Комментарии. М.: Правда, 1991. 640 с.
5. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976. 118 с.
6. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984. 255 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. д. фил. н., проф. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.
8. Полухина Я. П. Словотворчество Василия Каменского: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской государственной библиотеки).
9. Потиха З. А. Современное русское словообразование: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1970. 384 с.
10. Режим доступа: <http://slova.org.ru/n/kubofuturizm/>
11. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учебное пособие. М., 2009.

Информация об авторе:

Оконешникова Алина Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры начального образования Педагогического института Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова, okonesh44@mail.ru.

Alina V. Okoneshnikova – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Primary Education, Pedagogical Institute, North Eastern Federal University.

Статья поступила в редколлегию 07.11.2014 г.